

отношениях и острых социальных столкновениях, потрясавших древнерусское государство во второй половине XI века.

Как уже указывалось, в это время господствующий класс охватывает чувство тревоги. Впервые он встречался с упорным народным сопротивлением, которое часто выливалось в опасные формы. Покорность, беспрекословное повиновение и безответность уступили в народе место открытому возмущению. Суровыми законами и другими средствами насилия защищает себя феодальный класс от эксплуатируемой массы, укрепленными замками-хоромами огораживает он себя от враждебных крестьянских миров, военной силой он подавляет открытые народные восстания. Но в то же время феодалы видят спасение не в одних законах и репрессиях. Наряду со средствами насилия пускаются в ход идеологические средства. Тут особенно выявляется классовая роль церкви, которая всей силой своего авторитета пытается ограждать эксплуататорские классы от народного гнева.

При стихийных бедствиях, нашествиях иноплемеников и народных возмущениях церковь проповедует теорию „казней божиих“. Уже под 1024 годом, описывая подавление суздальского восстания Ярославом, летопись вкладывает ему в уста рассуждение о том, что голод, мор или засуха бог наводит на землю за грехи и что не подобает людям вмешиваться в дела господни: „а человек не весть ничтоже“.¹

В дальнейшем эта тема развивается. В связи с поражением, которое половцы нанесли братьям Ярославичам, поражением, послужившим непосредственным поводом к киевскому восстанию 1068 года, летописец снова подчеркивает, что приход иноплемеников — это божья казнь за грехи. Бог прекрасно устроил мир, он „не хочет зла человеком, но блага“. Однако люди сами виновны в постигших их бедствиях: они поддались соблазну дьявола, который „радуется злomu убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавиденье, клеветы“. Покорность, плач и пост — вот в чем приверженцы теории „казней божиих“ видят панацею от всех зол.² Ясно, что они всей силой осуждают выступления против властей и другие проявления классовой борьбы: всё это „братоненавиденье“, внушенное человеку дьяволом.³ Однако эти монашеские внушения не могли остановить от выступлений доведенной до крайности массы. Наряду с теорией „казней божиих“ церковь и светские идеологи господствующего класса выработали другую, более опасную для народа теорию, оказавшую огромное влияние на развитие литературы и общественно-политической мысли в древней Руси, — теорию общественного примирения и всеобщего согласия.

Впервые эта теория нашла подробное освещение в „Изборнике“ Святослава 1076 года — чрезвычайно интересном памятнике эпохи, незаслуженно пренебрегаемом историками. Святослав Ярославич княжил в Киеве всего три года, и за это время по его поручению было составлено два „Изборника“ — 1073 года и 1076 года. Оригинал „Изборника“ 1073 года был, видимо, составлен в конце IX или в начале X века для бол-

¹ Повесть временных лет, т. 1. М.—Л., 1950, стр. 100.

² Там же, стр. 112, 113.

³ О „казнях божиих“ вспоминает летописец и в связи со страшным нашествием половцев на Русскую землю в 1093 году. Приведенные мысли летописца положены в основу приписываемого Феодосию Печерскому поучения „О казнях божиих“ („Ученые записки II Отделения Академии Наук“, кн. 2, вып. 2, СПб., 1856, стр. 193—197). Автор поучения также подчеркивает, что дьявол „искони... есть враг нам, хочет убийства и кровопролитья, подвизая свары и убийства, и зависти, и братоненавидения, и на клеветы“. Но дьявол не одинок: „усобная рать бывает от соблазнения дьявола и от злых человек“ (там же, стр. 193; разрядка наша, — И. Б.).